

УДК [821.111+821.161.1]’091

СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЕ В МИРУ: ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ В РОМАНАХ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «ДЭНИЕЛ ДЕРОНДА» ДЖОРДЖ ЭЛИОТ¹

Ирина Федоровна Гнюсова

к. филол. н., доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела
и редактирования

Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Томск, пр. Ленина, 36. irbor2004@mail.ru

В статье предпринимается попытка доказать, что в своих последних романах Ф. М. Достоевский и Дж. Элиот создают особый тип героя, концентрируя в нем главные идеи своего творчества. Алеша Карамазов и Дэниел Деронда – герои своего времени с великими помыслами и жадной «подвига» – берут на себя функцию духовников, умеющих услышать и понять окружающих. Не будучи священниками по своему статусу, оба осуществляют, по сути, священнослужение в миру, которое и становится их главной жизненной миссией. Проведенное исследование позволяет заявить о наличии не просто типологического сходства в творчестве Достоевского и Элиот, но близости их концепций человека и мира, об общем поиске героя, который сумел бы нести христианские истины людям и претворять в жизнь авторские идеалы «симпатии» и братства.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; Дж. Элиот; образ; герой; мотив; священнослужитель.
doi 10.17072/2037-6681-2016-2-83-93

Роман «Братья Карамазовы» (1879–1880) – общепризнанный итог и вершина творчества Ф. М. Достоевского. О его связях с мировой литературой, как непосредственных, так и типологических, писали неоднократно². В настоящей статье будет представлен новый материал, раскрывающий принципиально важные точки соприкосновения «Братьев Карамазовых» с итоговым произведением крупного европейского автора той же эпохи – а именно романом «Дэниел Деронда» (1876–1877) Джордж Элиот.

Проблема «Достоевский и Джордж Элиот» практически не привлекала внимания отечественных исследователей³. Причиной тому является не только малая известность наследия Джордж Элиот в России, но и отсутствие каких-либо свидетельств того, что Достоевский, в отличие от Л. Н. Толстого или Н. С. Лескова, был знаком с творчеством английской писательницы⁴. За рубежом к сопоставлению имен Достоевского и Элиот обращаются гораздо чаще, можно обнаружить и монографические исследования этой темы⁵. Однако проблема типологических

связей романов «Братья Карамазовы» и «Дэниел Деронда» до сих пор не поднималась в литературоведческой науке.

Основанием для ее постановки могут служить уже внешние факторы: и Достоевский, и Элиот были одними из самых знаковых фигур как в национальной, так и в мировой литературе второй половины XIX в.⁶ Оба разрабатывали методы реалистического психологизма в литературе и оказали значительное влияние на последующих авторов. Весьма схожи и религиозно-философские взгляды Элиот и Достоевского: известно, что оба писателя весьма критично относились к официальной церкви, но при этом сущность их нравственной философии была глубоко христианской. Как пишет Б. М. Проскурнин, «кризис религиозного мышления Дж. Элиот, приведший к разрыву с официальной церковью, побудил ее познакомиться с книгой немецкого теолога и философа Д. Штрауса “Жизнь Иисуса”, ...связанной с оспариванием идеи божественности Христа» [Проскурнин 2006: 292]. Другой «настойной книгой» Элиот стала «Сущность

христианства» Л. Фейербаха, с идеями которого писательница, по ее собственному утверждению, была «везде согласна» [The George Eliot letters 1955: 153]. Вслед за Фейербахом Элиот была убеждена, что суть христианства является антропологической.

Скептическое отношение к официальной Церкви было присуще и Достоевскому⁷, и при этом он также был хорошо знаком с трудами Штрауса и Фейербаха, идеи которых оказали большое влияние на всех участников петербургских кружков 1840-х гг., куда входил и Достоевский⁸. И хотя впоследствии труды немецких философов подвергались писателем резкой критике (в «Дневнике писателя» он, в частности, замечает, что Штраус «ненавидит Христа», хотя «обожает человечество» (22, 132)), исследователи указывают на то, что он оказал влияние на многие идеи в творчестве Достоевского⁹.

Романы «Дэниел Деронда» и «Братья Карамазовы» создавались Достоевским и Элиот практически в одно время, с разницей в пару лет¹⁰, и одинаково стали для писателей финальными в творчестве: Достоевский умрет через четыре месяца после публикации «Братьев Карамазовых»; Джордж Элиот проживет после завершения «Дэниела Деронды» четыре года, но больше не создаст ни одного художественного произведения.

Итоговый характер обоих романов ощущается и в их идейно-образной структуре: и Элиот, и Достоевский стремятся здесь с максимальной полнотой выразить свои концепции человека и мироустройства. Представляется, что ключевым пунктом сближения «Братьев Карамазовых» и «Дэниела Деронды» является то, что оба писателя ставят в центр своих последних романов совершенно особого героя, концентрируя в нем все главные идеи своего творчества. Неслучайно в образах и Алеши Карамазова, и Дэниела Деронды чувствуются отголоски предыдущих «любимых» героев обоих писателей: оба они словно отливались годами и теперь предстают перед читателями как итог раздумий своих создателей.

Этот «мостик» к предшествующему творчеству перебрасывает сам Достоевский, в черновых набросках к «Братьям Карамазовым» называющий Алешу «Идиотом»¹¹ (15, 199, 202, 203). Хотя роман строится по традиционному для писателя «полифоническому» [Бахтин 2000: 12] принципу (на это указывает и его название), уже в первых строках предисловия Достоевский подчеркивает, что именно Алексей Федорович Карамазов – герой, причем не одного, а двух романов (второй, ненаписанный, должен был повествовать о деятельности Алеши в миру). Более того

– автор сразу же выдает, насколько дорог ему этот образ. Прямо или косвенно он семь раз называет Алешу «мой герой» (14, 5–6), это же выражение предваряет четвертую главу, посвященную младшему из Карамазовых (14, 17).

В предисловии Достоевский сразу обозначает и необычность своего героя: «человек странный, даже чудак» (14, 5). Однако эта странность Алеши ведет вовсе не к его обособленности, «юродивости» (хотя слово это упоминается в главе IV первой книги (14, 20)), но, напротив, к избранничеству, особой миссии героя. Алеша, как пишет автор, «носит в себе... сердцевину целого», т. е. потенциально способен понять суть своего времени, увидеть ключевые духовные потребности окружающих его людей. Этот вектор в характере и судьбе героя – направленность не столько к Богу, к монастырскому уединению, сколько к людям – Достоевский также обозначает в самом начале романа: «Алеша... был вовсе не фанатик»; «не мистик»; «был он просто ранний человеколюбец» (14, 17); «людей он любил: он, казалось, всю жизнь жил, совершенно веря в людей», и при этом не хотел «быть судьей людей» (14, 18).

А вслед за этим Достоевский еще и придает образу Алеши характер широкого обобщения, делая его подлинным героем своей эпохи. Он указывает, что его герой – это «юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий ее и верующий в нее, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с непременным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью» (14, 25). Впрочем, в романе «Братья Карамазовы», первом из задуманной дилогии, Алеша вовсе не совершает никаких подвигов – он лишь «становится, что не менее важно», как подчеркивает В. К. Кантор [Кантор 1983: 158]. Внешне второстепенная роль Алеши в драматических событиях, произошедших в семье Карамазовых, не затемняет возложенной на него автором идеологической функции. По словам В. К. Кантора, «сама поэтика романа свидетельствует о том замысле, который связывал Достоевский с образом Алеши: защитник, заступник русской земли должен быть и ее соединителем» [там же: 165].

Эта структурно-соединительная функция образа Алеши выражается, как уже было замечено исследователями, в том, что по ходу действия он постоянно перемещается от одного героя к другому, способствует их «со-общению», а также проговариванию ими собственной позиции, тех идей, из которых складывается целостное нрав-

ственно-философское содержание романа. Однако, на наш взгляд, образ Алеши тем самым выражает не одну лишь авторскую концепцию братства, всеобщего единения людей на основе христианских ценностей. В предполагаемой диалогии Достоевский формирует, как нам представляется, свой собственный идеал героя-подвижника, героя-спасителя. Он не совершает революционных преобразований, но неустанно осуществляет дело помощи людям, которое выражается в сочувствии, живом участии, попытке принятия самых разных жизненных позиций при неизменном следовании христианским заветам. По сути, герой Достоевского выполняет функции священнослужителя, а его дело является не чем иным, как священнослужением в миру.

На эту интерпретацию указывают уже очевидные внешние факторы: Алеша появляется перед читателем «в ряске послушника» (14, 17), он осознанно готовится стать частью черного духовенства. Дальнейшее сюжетное действие, казалось бы, удаляет героя от этой дороги: умирает старец Зосима, благословляя своего любимого ученика «на великое послушание в миру» (14, 71), и Алеша готовится «выйти из монастыря» (14, 167). Распространенные в советском литературоведении версии о том, что Достоевский собирался во втором романе сделать героя революционером и даже царевубийцей, нередко вводили исследователей от более глубокого анализа того дела, которому посвящает себя Алеша.

Д. Д. Благой, убедительно доказывающий в своей статье необоснованность этих интерпретаций (см.: [Благой 1974: 14–15, 19–22]), обращает внимание на то, что, посылая героя «в мир», старец Зосима делает малозаметное уточнение: «Все должен будешь перенести, пока вновь прибудешь» (14, 71) (курсив мой. – И.Г.). «Такое возвращение отвечало бы чаяниям самого писателя», – полагает исследователь [там же: 19]. Таким образом, Достоевский изначально замыкает жизненный путь героя в кольцо: монастырь – «послушание в миру» – монастырь, тем самым не сводя его с духовного пути.

Если отбросить предположения о сюжете второй части диалогии и не выходить за рамки созданного Достоевским романа, то можно найти ответ и на вопрос о том, на какой путь направляет Алешу старец Зосима, что должен включать этот временной промежуток между уходом из монастыря и возвращением в него. Слова Зосимы, обращенные непосредственно к Алеше, действительно заключают неясную перспективу: «...Дела много будет. <...> С тобой Христос. Сохрани его, и он сохранит тебя. Горе узришь великое и в горе сем счастлив будешь. Вот тебе

завет: в горе счастья ищи. Работай, неустанно работай» (14, 71–72). Однако в «Житии» старца, составленном самим Алешей, есть эпизод, содержащий прямые переключки с заветом Зосимы своему ученику. Это наставление рядовым священнослужителям, которые «жалуются слезно и повсеместно на малое свое содержание и на унижение свое и прямо заверяют, ...что не могут они уже теперь будто бы толковать народу Писание» (14, 265).

Картина, которую рисует далее старец, во многих деталях корреспондирует с деятельностью Алеши в романе. «Собери он у себя раз в неделю, в вечерний час, сначала лишь только хоть деток, – прослышат отцы, и отцы приходиться начнут. <...> Разверни-ка он им эту книгу (Библию. – И.Г.) и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко...»¹² (14, 266), – это прямая отсылка к книге десятой «Мальчики», в которой Алеша объединяет ожесточенных прежде подростков у постели умирающего Илюшечки и незаметно внушает им евангельские истины. Здесь же находит отражение и указание Зосимы: «...Растолкуй иное непонятное простолюдину слово» (14, 266); завершается эпизод посещения Илюшечки восклицанием его отца (отголосок фразы «прослышат отцы» из наставлений старца), штабс-капитана Снегирева, который неожиданно цитирует Библию («Аще забуду тебе, Иерусалиме, да прильпнет...») (14, 507), и Алешиным объяснением мальчишкам этой фразы.

В поучении старца Зосимы есть и другие отсылки к образу Алеши – например, упоминание о «житии Алексея человека Божия» (14, 267), с которым автор имплицитно соотносит своего героя на протяжении всего повествования (см. подробнее: [Ветловская 1977: 168–175]); а также повторение евангельского мотива семени, который присутствовал и в последнем разговоре старца с Алешей¹³: «Нужно лишь малое семя, крохотное: брось он его в душу простолюдина, и не умрет оно, будет жить в душе его во всю жизнь, таиться в нем среди мрака, среди смрада грехов его...» (14, 266). В призыве Зосимы «уверовать» в народ («Кто же уверовал в народ Божий, тот узрит и святыню его») (14, 267) также очевидно соотнесение с авторским описанием характера Алеши («всю жизнь жил, совершенно веря в людей») (14, 18).

Наконец, в этом эпизоде жития старца Зосимы многократно повторяются слова «дело», «работа», «труд», что косвенно указывает на вероятное приложение сил Алеши в будущем. Возможно, он и не станет священником в профессиональном смысле, однако обрамляющие его

образ мотивы указывают на то, что это будет путь, близкий полноценному священнослужению. На протяжении всего романа Алеша как раз и занимается исполнением обязанностей духовника, исповедника. На это указывают даже названия глав: трижды в книге третьей повторяется заголовок «Исповедь горячего сердца», и исповедуется в этих главах Митя именно Алеше. Впрочем, и разговоры всех остальных героев (Ивана, Грушеньки, Катерины Ивановны, штабс-капитана Снегирева, Коли Красоткина, отчасти Лизы) с младшим из Карамазовых – не что иное, как исповеди, а порой и духовные беседы. Характерен в этом смысле визит Алеши к Грушеньке перед ее отъездом в Мокрое, в финале которого Ракитин раздраженно бросает: «Что ж, обратил грешницу?.. Блудницу на путь истины обратил?» (14, 324). А в последней главе романа Алеша произносит и полноценную проповедь перед мальчиками, призывая их помнить друг о друге и тем самым спастись от всякого зла: «И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» (15, 195). Обращение к детям в финале – это тоже своеобразный «мост» во второй роман об Алеше, начало его деятельности в полном соответствии с заветами старца Зосимы – учить сперва «только хоть деток» (14, 266).

Подобный тип героя мы находим и в романе Джордж Элиот. Дэниел Деронда – молодой человек, который, как и Алеша, только выбирает свой путь в жизни и при этом, традиционно для героев Элиот, желает посвятить себя не просто определенной профессии, но высокой цели, которая наполнила бы его жизнь смыслом, указала бы приложение его душевных сил, знаний и энергии: «...В последние годы окончательной возмужалости он... всего более желал или какого-нибудь внешнего события, или какого-нибудь внутреннего света, которые побудили бы его к определенному образу действий и сжали его разбросанную энергию»¹⁴ (439).

Причем поиск цели во многом предопределен характером героя: «Люди привлекали его... соразмерно той возможности, которую он имел, чтобы защищать их, спасать, иметь на их жизнь благотворное влияние» (388–389). Эта «страсть к людям, побиваемым камнями»¹⁵ (877), как называет ее опекун героя сэр Хьюго, и подталкивает Деронду к знакомству с двумя молодыми женщинами, каждая из которых действительно остро нуждается в поддержке и сочувствии. Участие в судьбе этих героинь – аристократки Гвендолен Харлет и еврейки Миры Лапидот¹⁶ – и формирует две сюжетные линии романа. Факти-

чески, по аналогии с задуманной Достоевским диалогией, «Дэниел Деронда» также состоит из двух «романов». В одном из них – и он все-таки занимает центральное место в структуре – на первый план выходит драма взаимоотношений Гвендолен и ее мужа Грандкорта. Здесь Деронда практически не действует сам, но становится единственным и постоянным слушателем и советчиком героини, а главное – чем-то вроде нравственного мерила в ее сознании.

В другом «романе» Дэниел, напротив, является центральным действующим лицом, он чрезвычайно активен, находится в постоянном движении. Желание помочь Мире найти ее родных заставляет его интересоваться не только жизнью евреев, но и их религией и историей. Итог этих поисков закономерен: Деронда узнает, что его родители тоже были евреями, женится на Мире и уезжает на Восток, решая посвятить жизнь делу национального единения своего народа.

То, что Дэниел – личность незаурядная, подчеркивается Элиот с первых страниц романа. Причем эта незаурядность показана через ощущения других героев. Один пристальный взгляд, брошенный Дерондой на еще не знакомую ему Гвендолен в игорном зале, внушает ей не просто «едкое чувство, что он относится к ней критически», но и понимание, «что он создан не из того материала, как то человеческое отребье, которое окружало ее; что он сознает себя в сфере, чуждой ей и выше той, в которой находилась она...» (9–10).

Близким ему людям Дэниел также представляется человеком более совершенным и безгрешным, чем остальные. Особенно отчетливо это проявляется в сознании Миры: «Ее первое воображаемое впечатление, что Деронда был божественный посланец, все еще окружало его образ» (567). Подобным образом думает о герое и его лучший друг Ганс Мейрик, это выдают опять же слова Миры: «...Мистер Ганс говорил вчера, что вы так много думаете о других, что для себя не желаете ничего. <...> Он сказал, что вы похожи на Будду. Мы все думаем это о вас» (567). Это высокое доверие чувствует и сам Деронда: в тот момент, когда Ганс признается ему в любви к Мире, он ощущает «то странное раздражение, которое иногда случается с человеком, на которого другие смотрят как на руководителя, – раздражение, происходившее от того, что его не считают подверженным таким же желаниям и искушениям, как те, которые ему исповедуются» (564).

Хотя деятельность героя Элиот внешне никак не связана с религией и религиозными институтами, функционально его роль в романе, как и в

случае с Алешей, крайне близка к роли священнослужителя. Деронда, прежде всего, спаситель, помощник, наставник, духовный руководитель других людей. Кроме того, в его образ постоянно вплетаются мотивы священнослужения – в первую очередь, мотив исповеди. В том же эпизоде признания в своих чувствах Ганс пытается доказать Дэниелу свою искренность словами: «Я как в исповедалъне» (563). Многозначный глагол «to confess» (признаваться или исповедоваться) неоднократно встречается и в разговорах Деронды с Гвендолен, которые по сути являются не чем иным, как духовными беседами священнослужителя с грешницей, жаждущей утешения и наставления.

Цикл «исповедей» Гвендолен, которая после знакомства с героем стремится при любом удобном случае излить ему душу и добиться ответа на вопрос о том, как ей стать лучше и избавиться от чувства, что «жизнь ничего не стоит» (549), во многом повторяет ситуации более ранних произведений Элиот. Это и эпизод «двойной исповеди» в повести «Исповедь Джэнет» (1857), где молодой священник Эдгар Триан своим глубоким участием спасает доведенную до отчаяния молодую женщину Джэнет Демпстер¹⁷; и диалоги молодых героев в романе «Феликс Холт, радикал» (1866), где образованный ремесленник Феликс Холт призывает дочь священника Эсфирь Лайон отказаться от себялюбия и мелочности в пользу каких-то более серьезных жизненных целей и идеалов¹⁸.

На первый план во всех этих сюжетных ситуациях выходит ключевая для Элиот идея сострадания, сочувствия (simpathy). Это чувство многократно акцентируется и в описании Деронды, беседующего с Гвендолен: «побуждаемый состраданием, вложил в глаза и голос выражение сильного участия» (534), «его сердце было исполнено сострадания к ней» (548), «сказал... кротким тоном» (551), «в глубоком тоне Деронды была робкая нежность» (980). Мысли, внушаемые Дэниелом героине, очень близки тем истинам, которые традиционно высказывает духовник: «Постарайтесь заботиться о чем-нибудь

в этом обширном мире, кроме удовлетворения своих собственных мелких желаний. Постарайтесь заботиться о лучших мыслях и поступках – о том, что хорошо помимо вашей собственной жизни» (542–543).

Как и Алеша, Дэниел находит и собственного духовного учителя. Им становится брат Миры, молодой еврей Мардохей, который умирает от чахотки и завещает Деронде продолжить дело своей жизни – изучать историю еврейского народа и способствовать восстановлению его былого величия. Как Алешу монастырская дорога поражает «лишь потому, что на ней он встретил... необыкновенное... существо» (14, 18), так и Деронда находится под глубоким впечатлением от незаурядной личности Мардохея, глубоко верящего в важность своей миссии.

Однако, помимо учителей, на выбор героями своего пути влияет и еще одно обстоятельство – образ матери и связанные с ним детские воспоминания. Оба героя лишились матери в раннем детстве (Деронда на третьем, а Алеша на четвертом году жизни), и этот факт причиняет им одинаковое страдание. В «Братьях Карамазовых» образ набожной матери Алеши связывается и даже сливается с образом Богородицы (см. об этом: [Кантор 1983: 162–163]); для Деронды также «слова Отец и Мать заключали в себе Божественный огонь» (572). Глубокая убежденность Мардохея в том, что Дэниел принадлежит к их народу, возобновляет его страстное желание узнать тайну своего происхождения, найти свою мать. Точно так же устремленность Алеши в монастырь, как предполагает повествователь, могла родиться «из воспоминаний... младенчества», где «может быть, сохранилось нечто о нашем подгородном монастыре, куда могла возить его мать к обедне» (14, 25).

Акцент, сделанный обоими авторами на детских воспоминаниях своих героев, позволяет обнаружить в романах два весьма схожих эпизода, оказавших значительное влияние на формирование характеров Алеши и Деронды (в обоих текстах курсив мой. – И.Г.).

«Братья Карамазовы»	«Дэниел Деронда»
«Такие воспоминания могут запоминаться (и это всем известно) даже и из более раннего возраста, даже с двухлетнего, но лишь <i>выступая всю жизнь</i> как бы светлыми точками из мрака, как бы вырванным уголком из огромной картины, которая вся погасла и исчезла, кроме этого только уголочка. Так точ-	« <i>Одна минута составила в его жизни главную эпоху</i> – минута, полная <i>июльского солнца</i> и больших роз, усыпавших своими последними лепестками травянистый двор, обрамленный с трех сторон готическим монастырем. Представьте его в подобном месте: тринадцатилетнего мальчика, распростертого ничком на траве, где была тень; его кудрявая головка подпирается

но было и с ним: он запомнил *один вечер, летний*, тихий, отворенное окно, *косые лучи заходящего солнца* (косые-то лучи и запомнились всего более), в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях *рыдающую* как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко *до боли* и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице... и вдруг вбегает нянька и вырывает его у нее в испуге. Вот картина! Алеша запомнил в тот миг и лицо своей матери: он говорил, что оно было испуганное, но прекрасное...»¹⁹ (14, 18)

рукою над книгой, а учитель его, также читая, сидит на садовом стуле под тенью.

<...> Вдруг он опустил свою левую руку и взглянул на учителя, сказав чистым детским голосом:

– Мистер Фрейзер, почему у пап и кардиналов всегда было так много племянников? <...>

– Их родные дети назывались племянниками. <...>

...Деронда, как будто что-то ужалило его, приподнялся...

Он всегда называл сэра Хьюго дядей, и когда... старался различить что-нибудь в этих ранних сумерках (своего раннего детства. – И.Г.), смутно ощущал, как его целовали очень много и окружали тонкой, облачной, душистой драпировкой, пока его пальцы не ухватились за что-то жесткое, отчего *ему сделалось больно*, и он *расплакался*. <...>

...В эту минуту на траве между розовыми лепестками Дэниел Деронда познакомился в первый раз с этими горестями. Новая мысль вошла в его голову и начала изменять его обычные чувства...» (201–204)

Оба автора подчеркивают особую роль этих моментов в судьбе героев: это очевидно из указания на «один вечер» и «всю жизнь» Алеши и «одну минуту» как «главную эпоху в жизни» Дэниела. В обоих случаях события происходят летом, что усиливает ощущение радости бытия, гармоничности мира для юных героев. Ключевым мотивом и тех и других воспоминаний становится солнечный свет («косые лучи заходящего солнца» у Алеши и наполненность «июльским солнцем» у Деронды). Свет и освещает, и одновременно *освящает* в памяти героев эти короткие фрагменты, особенно очевидно это в тексте Достоевского. Сакрализации мыслей и чувств Деронды способствует другая деталь – указание на монастырские стены вокруг него. В других эпизодах романа неоднократно упоминается, что герой Элиот рос в имении, которое когда-то было аббатством, – таким образом, он тоже своеобразно «выходит из монастыря», как и Алеша.

Однако, несмотря на внешнюю гармонию, старательно подчеркиваемую обоими авторами («вечер, летний, тихий», «отворенное окно», «зажженная лампадка» у Достоевского и «травянистый двор», усыпанный лепестками «больших роз», «кудрявая головка» и «чистый детский голос» героя у Элиот), в эту картину одинаково резко врываются людские страдания. Мать Алеши «рыдает в истерике» и обнимает его «до боли»; Деронда точно так же во «вложенном» в

этот эпизод дополнительном воспоминании ощущает, как забота матери причиняет ему боль и вызывает слезы. Однако еще сильнее его собственные чувства, вызванные словами учителя в описываемый летний день: герой вдруг начинает подозревать, что он незаконнорожденный сын и тайна его происхождения связана с чем-то позорным и постыдным. Такой же диссонанс в отношении к матери сформируется под влиянием детских воспоминаний и у Алеши: ореол святости, окружающий в душе героя ее образ, постоянно будет входить в противоречие с отношением к ней других людей – прежде всего, Федора Павловича, не гнушающегося посмеяться над странностями своей покойной жены-«кликуши».

В биографии Алеши и Деронды до начала сюжетного действия вообще обнаруживается много схожих моментов. Оба они остались сиротами при живых родителях и воспитывались чужими людьми, оба в силу этих обстоятельств сильно погружены в свой внутренний мир. Деронду в школе «считали мальчиком скрытным, хотя он был так добродушен и незаносчив, ... что никто не находил его сдержанность неприятной» (213), а впоследствии желание помогать другим и вовсе способствует его «популярности» (220). Алеша «в детстве и юности... был мало экспансивен и даже мало разговорчив, но не от недоверия, не от робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже напротив, а от чего-то другого, от

какой-то как бы внутренней заботы, собственно личной...» (14, 18), но при этом «товарищи его до того полюбили, что решительно можно было назвать его всеобщим любимцем» (14, 19).

Схожим оказывается и сильное нравственное воздействие Алеши и Деронды на главных героинь романа – Грушеньку и Гвендолен. Во время упомянутого посещения Грушеньки, когда Алеша называет ее своей «сестрой», признавая в ней «сокровище – душу любящую» (14, 318), героиня начинает остро нуждаться в его участии и наставлении. «Да неужто ж ты уходить, Алеша, хочешь!» – восклицает Грушенька «в горестном изумлении» (14, 323) в финале разговора. А после ареста Мити героиня «только одному ему [Алеше] доверяла свое сердце и непрерывно просила у него советов» (15, 6).

Точно такую же потребность в Деронде очень быстро начинает ощущать и Гвендолен. А финальная «исповедь» героини после гибели ее мужа буквально пронизана страхом, что она лишится участия Дэниела из-за своих дурных желаний и поступков. «Вы не должны бросать меня, – сказала Гвендолен... – Я вынесу всякое наказание. Я буду вести такую жизнь, какую вы назначите мне. Но вы не должны бросать меня» (855).

Глубину душевного потрясения обеих героинь и их отношение к героям выдает и одинаковое желание встать на колени: Гвендолен едва сдерживает порыв «броситься... на колени» (849) перед Дерондой; Грушенька действительно падает перед Алешей на колени «как бы в испуге», выражая ту же безмерную признательность, что чувствует и героиня Элиот: «Пожалел он меня первый, единый, вот что!» (14, 323).

Помогая другим, оба героя ищут и свой собственный путь, однако ни Достоевский, ни Элиот не дают четких ответов на духовный запрос своих героев: Алеша в финале знает только то, что покинет «здешний город, может быть, надолго» (15, 195) – вероятно, для того, чтобы помочь брату бежать из ссылки; Деронда готовится «к отъезду на Восток» (991), чтобы «лучше ознакомиться с положением» своей нации «в разных странах» и попытаться восстановить ее «политическое существование» (982). В обоих случаях ближайшая деятельность героев представляет собой неопределенный сплав политических и духовных задач. Но поэтическая структура обоих романов позволяет дать более четкую характеристику их будущему: очевидно, что и Алеша, и Дэниел продолжат свой путь священнослужения в миру, т. е. духовного слу-

жения людям, к какому бы народу они ни оказались принадлежащими.

Дискуссионным в этой связи остается вопрос о том, почему Элиот отправляет одного из самых совершенных своих героев на Восток. Исследователи нередко интерпретируют контрастное соединение двух сюжетных линий романа – Деронды и Гвендолен–Грандкорта – как сатирический взгляд писательницы на современную английскую и европейскую жизнь (см.: [Frazier]). Такая интерпретация романа напрямую перекликается с точкой зрения Достоевского, высказывающего в «Зимних заметках о летних впечатлениях» целый ряд критических замечаний о западной цивилизации: «Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности. <...> ...Эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была всё свое Я, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротив, отдать его обществу без всяких условий» (5, 79).

Выбор пути для каждого из своих итоговых героев был обусловлен и общностью во взглядах Достоевского и Элиот на институт Церкви. Главными героями произведений Элиот чаще становились не священнослужители англиканской Церкви, а проповедники самых разных протестантских общин – методисты, евангелисты, индипенденты, объединенные общим рвением «достучаться» до сердца каждого отдельного человека, обратить его к Богу путем сострадания и любви. Эта позиция проявляется и в творчестве писателя, где также редко встречаются образы православного духовенства²⁰, – даже в «Братьях Карамазовых» он намеренно выделяет феномен старчества как явление новое и еще не совсем органичное для русского монастыря. Гораздо чаще в произведениях Достоевского появляются другие, чисто национальные носители духовных истин, – юродивые, странники, богомольцы. Они-то и становятся учителями, духовным ориентиром для остальных героев.

В своих последних романах Элиот и Достоевский одинаково решаются возложить эту миссию на героев, которые не принадлежат к духовенству. Это просто молодые люди, герои своего времени с великими помыслами и жаждой «подвига». Однако именно они на этот раз берут на себя функцию если не духовных учителей, то духовников, умеющих услышать и понять окружающих, вовремя дать нужный совет, наставить на истинный путь. В перспективе у обоих – и Алеши, и Деронды – решение сложнейшей задачи братского единения людей, но начинают они с

малого – кропотливого, ежедневного священнослужения в миру, среди людей, остро нуждающихся в утешении и поддержке.

Проведенный анализ, разумеется, не полон и является лишь заявкой на исследование многогранной темы «Достоевский и Джордж Элиот». Однако реализация идеи священнослужения в миру через образы «Братьев Карамазовых» и «Дэниела Деронды» позволяет уверенно заявить о наличии не просто типологического сходства в творчестве писателей, но и близости их концепций человека и мира, об общем поиске героя, который сумел бы нести христианские истины людям и претворять в жизнь авторские идеалы «симпатии» и братства.

Сопоставление финальных романов Элиот и Достоевского тем самым указывает на наличие общих художественных закономерностей в развитии мировой литературы; одинаковой потребности в появлении героя, который сочетал бы в себе горячую приверженность христианским ценностям с подлинно человеческим отношением к людям. И в «Братьях Карамазовых», и в «Дэниеле Деронде» писатели предпринимают общую попытку поставить проблему истинно духовной личности на материале обыкновенного человека – то, что впоследствии станет одной из самых явных тенденций в литературе начала XX в.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, грант № 14-34-01240.

² См., например, раздел во вступительной статье Г. М. Фридендера [Фридендер 1976: 460–469]; диссертационное исследование Н. Д. Старосельской [Старосельская 1984]; статьи С. Г. Бочарова [Бочаров 1976], Н. Ф. Будановой [Буданова 1996], Д. И. Чижевского [Чижевский 2010] и мн. др.

³ Исключением являются недавно вышедшие статьи В. Б. Ивановой [Иванова 2015] и Т. А. Пирусской [Пирусская 2015].

⁴ Ни в письмах, ни в произведениях Достоевского не обнаруживается никаких упоминаний о Джордж Элиот. Ни одно из изданий, где публиковались русские переводы ее произведений (первый вышел в 1859 г., последний при жизни Достоевского – в 1880), не присутствует в личной библиотеке писателя (см.: Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции, научное описание. СПб., 2005. 336 с.). При этом потенциально роман «Дэниел Деронда» мог быть знаком Достоевскому: на русском языке он был опубликован в 1876 г. в журнале «Дело», в 1876–

1877 – выпущен в серии «Собрание иностранных романов», в 1877 г. вышел отдельным изданием.

⁵ Примером может быть магистерская диссертация Кэтрин Кертис «Восприятие и действие: сочувствие, милосердие и идеальные сообщества в “Мидлмарче” Элиот и “Братьях Карамазовых” Достоевского» [Perception 2011], а также научно-популярная публикация Кевина Фрейзера «Джордж Элиот и Федор Достоевский» [Frazier 2011].

⁶ О вкладе Джордж Элиот в развитие мировой литературы много пишет в своих работах Б. М. Проскурнин. В частности, он подчеркивает, что она «одна из первых начала художественно глубоко исследовать психологию человека и его сознание, что весьма типично и показательно для современной английской литературы»; а также то, что «Элиот была одним из самых крупных английских писателей XIX века, своим творчеством способствовавших философии английского романа» [Проскурнин 2006: 289, 291].

⁷ Известны его резкие высказывания на этот счет: «...Кто всего ближе стоит к народу? Духовенство? Но духовенство наше не отвечает на вопросы народа давно уже. Кроме иных, еще горящих огнем ревности о Христе священников, часто незаметных, никому не известных, именно потому что ничего не ищут для себя, а живут лишь для паствы, — кроме этих и, увы, весьма, кажется, немногих, остальные, если уж очень потребуются от них ответы, — ответят на вопросы, пожалуй, еще доносом на них» (25, 174).

Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского [Достоевский 1972–1990] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

⁸ Так, в «Дневнике писателя» он вспоминает, что Белинский «очень склонялся» перед Фейербахом и в его окружении «о Штраусе говорилось с благоговением» (21, 11). Постоянно обсуждалась «Сущность христианства» Фейербаха и в кружке петрашевцев; один из участников собраний А. В. Ханьков стал первым ее переводчиком на русский язык (см. (18, 318)). А книгу Штрауса «Жизнь Иисуса» Достоевский, как было установлено, брал именно из библиотеки Петрашевского (см. (18, 340–341)).

⁹ См. вступительную статью Г. М. Фридендера к «Братьям Карамазовым» в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского: «...Первый толчок к зарождению философско-символического истолкования евангельского рассказа о трех искушениях Христа, сформулированного Достоевским в подготовительных ма-

териалах к “Бесам” и к “Подростку”, а позднее получившего отражение в “Дневнике писателя”, в письме к В. А. Алексееву и в “Легенде”, дало чтение §§ 54–55 знаменитой книги младогегельянца Д. Ф. Штрауса “Жизнь Христа”» [Фридлендер 1976: 465].

¹⁰ Удивительным фактом историко-литературных схождений можно считать то, что замысел «Братьев Карамазовых» возникает у Достоевского как раз в течение 1876–1877 гг., когда в России публиковались переводы «Дэниела Деронды». Об этом он сообщает в последнем номере «Дневника писателя» за декабрь 1877 г.: «В этот год отдыха от *срочного* издания (т.е. 1878-й. – И.Г.) я... займусь одной художественной работой, сложившейся у меня в эти два года издания “Дневника” неприметно и невольно» (26, 126).

¹¹ Г. М. Фридлендер указывает в этой связи и на важность образа Алеши Валковского из «Униженных и оскорбленных» [Фридлендер 1976: 404].

¹² Отметим, что эта излагаемая Зосимой программа очень близка еще и концепции просвещения народа, которую излагает Джордж Элиот в романе «Феликс Холт, радикал» (1866). Именно так действует здесь главный герой, молодой ремесленник Феликс Холт, задавшийся целью просвещения рабочих, при поддержке священника Руфуса Лайона. Перевод романа был опубликован в «Отечественных записках» в 1867 г. и потенциально мог быть знаком Достоевскому.

¹³ «“Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода”. Запомни сие» (14, 259), – говорит Зосима Алеше накануне последней беседы с гостями, дословно повторяя эпиграф к роману.

¹⁴ Здесь и далее роман «Дэниел Деронда» цитируется по изданию: [Даниэль Деронда 1877]. В скобках указаны номера страниц. Имена героев изменены согласно современным нормам написания.

¹⁵ Заметим, что в романе Достоевского также проявлен евангельский мотив «побивания камнями»: в четвертой книге школьники кидают камни в Илюшечку, а тот, в свою очередь, делает ответный бросок в Алешу, брата обидчика его отца. Образ Илюшечки связывается и с «большим камнем» (14, 507), под которым он хочет быть похороненным и возле которого в финале произносит свою речь-проповедь Алеша.

¹⁶ Еще одна реализация мотива «побивания камнями»: фамилия отчаявшейся молодой еврейки, которую отец хотел продать в содержанки, – Lapidoth, что явно переключается с англ. lapidate – побивать камнями.

¹⁷ См. об этом нашу работу: [Гнюсова 2014].

¹⁸ См. об этом нашу работу: [Гнюсова 2013].

¹⁹ Этот важный для понимания образа Алеши эпизод также находит свое «зеркальное отражение» в упомянутой части «Жития старца Зосимы». Учитель героя указывает, что и на его судьбу оказал первостепенное влияние образ матери, приобщившей его к вере. В рассказе Зосимы сохранятся те же ключевые детали, что и в воспоминании Алеши, – в частности, солнечные лучи как знак Божьего присутствия: «... Помню, как в первый раз посетило меня некоторое проникновение духовное, еще восьми лет от роду. Повела матушка меня одного... во храм Господень, в страстную неделю в понедельник к обедне. День был ясный, и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, как возносился из кадила фимиам и тихо восходил вверх, а сверху в куполе, в узенькое окошечко, так и льются на нас в церковь божьи лучи, и, восходя к ним волнами, как бы таял в них фимиам. Смотрел я умиленно и в первый раз от роду принял я тогда в душу *первое семя* слова божия осмысленно» (14, 264) (курсив мой. – И.Г.). А продолжение эпизода является опять же косвенным указанием на дальнейший путь Алеши, указанный им старцем: «Вышел на средину храма отрок с большою книгой, ...и начал читать, и вдруг я тогда в первый раз нечто понял, в первый раз в жизни понял, что во храме божием читают» (14, 264).

²⁰ Можно вспомнить в связи с этим начало шуточной эпиграммы Достоевского 1874 г., адресованной Н. С. Лескову:

«Описывать всё сплошь одних попов,
По-моему, и скучно, и не в моде...» (17, 23).

Список литературы

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М., 2000. Т. 2. 799 с.

Благой Д. Д. Путь Алеши Карамазова // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. Л., 1974. Т. 33, № 1. С. 8–26.

Бочаров С. Г. О двух пушкинских реминисценциях в «Братьях Карамазовых» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 145–153.

Буданова Н. Ф. «А поле битвы – сердца людей» («Братья Карамазовы» и «Девяносто третий год») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 137–161.

Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977. 199 с.

Гнюсова И. Ф. «Исповедь Джэнет» Джордж Элиот и «Отец Сергей» Л. Н. Толстого: сострадание вместо поучения // Вестник Пермского

университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1 (25). С. 81–90.

Гнюсова И. Ф. Совершенствующаяся героиня в творчестве Джордж Элиот и Л. Н. Толстого // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 369. С. 17–24.

Даниэль Деронда. Роман Джорджа Эллиота. СПб., 1877. 992 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.

Иванова В. Б. Флоренция в русской и английской литературе (Флоренция, Ф. М. Достоевский и Джордж Элиот) // Междунар. науч.-исслед. журн. 2015. Вып. 5–1 (36). С. 90–95.

Кантор В. К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. М., 1983. 192 с.

Пирусская Т. А. Сплетня как авторефлексивный механизм в романах Достоевского «Бесы» и Джордж Элиот «Мидлмарч» // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 193–216.

Проскурнин Б. М., Яшенькина Р. Ф. История зарубежной литературы XIX века: западноевропейская реалистическая проза. М., 2006. 411 с.

Старосельская Н. Д. Тема русского фаустианства в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. 208 с.

Фридендер Г. М. «Братья Карамазовы»: [Вступ. статья в примеч. (§ 8)] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 459–473.

Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 27–57.

The George Eliot letters: in IX vol. New Haven and London: Yale UP, 1955. Vol. V. 475 p.

Frazier K. Star-Crossed: George Eliot and Fyodor Dostoevsky. URL: http://www.bookslut.com/features/2011_11_018325.php (дата обращения: 10.11.2015).

Perception and Action: Sympathy, Charity and Ideal Communities in Eliot's Middlemarch and Dostoevsky's The Brothers Karamazov: A Thesis Submitted to The Faculty of the School of Communication In Candidacy for the Degree of Master of Arts in English by Katherine R. Curtis. Lynchburg: Liberty University, 2011. 102 p. URL: <http://digitalcommons.liberty.edu/masters/172/> (дата обращения: 10.11.2015).

References

Bakhtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. *Sobranie sochinenij: V 7 t. T.2* [Collected Works. In 7 vols. Vol. 2]. Moscow, 2000. 799 p.

Blagoj D. D. Put' Alejoshi Karamazova [Alyosha Karamazov's path]. *Izvestija AN SSSR. Serija literatura i jazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Languages]. 1974. Vol. 33(1). P. 8–26.

Bocharov S. G. O dvukh pushkinskikh reministsensijakh v "Brat'jakh Karamazovykh" [About two Pushkin's reminiscences in "The Brothers Karamazov"]. *Dostoevskij. Materialy i issledovanija* [Dostoevsky. Materials and Research]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. 2. P. 145–153.

Budanova N. F. "A pole bitvy – serdtsa ljudej" ("Brat'ja Karamazovy" i "Devjanosto tretij god") ["And the battlefield is hearts of people" ("The Brothers Karamazov" and "Ninety-Three")]. *Dostoevskij. Materialy i issledovanija* [Dostoevsky. Materials and Research]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. Vol. 12. P. 137–161.

Vetlovskaja V. E. *Poetika romana "Brat'ja Karamazovy"* [Poetics of "The Brothers Karamazov"]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 199 p.

Gnjusova I. F. "Ispoved' Dzhenet" George Eliot i "Otets Sergij" L. N. Tolstogo: sostradanie vmesto pouchenija [George Eliot's "Janet's Repentance" and Leo Tolstoy's "Father Sergius": Sympathy instead of Homily]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 1(25). P. 81–90.

Gnyusova I. F. Sovershenstvujushhajasja geroinja v tvorcestve George Eliot i L. N. Tolstogo [Perfecting female character in George Eliot's and Leo Tolstoy's works]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2013. Iss. 369. P. 17–24.

Eliot G. *Daniel' Deronda* [Daniel Deronda]. St. Petersburg, 1877. 992 p.

Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.

Ivanova V. B. Florentsija v russkoj i anglijskoj literature (Florentsija, F. M. Dostoevskij i George Eliot) [Florence in Russian and English literature (Florence, Dostoyevsky and George Eliot)]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. 2015. Iss. 5–1(36). P. 90–95.

Kantor V. K. "Brat'ja Karamazovy" F. Dostoevskogo ["The Brothers Karamazov" by Fyodor Dostoevsky]. Moscow, Khudozhestvennaja literatura Publ., 1983. 192 p.

Pirusskaja T. A. Spletnja kak avtorefleksivnyj mekhanizm v romanakh Dostoevskogo "Besy" i Dzhordzha Eliota "Middlemarch" [Gossip as an auto-reflexive mechanism in Dostoyevsky's "Demons" and George Eliot's "Middlemarch"]. *Voprosy litera-*

ture [Problems of Literature]. 2015. Iss. 2. P. 193–216.

Proskurnin B. M., Jashen'kina R. F. *Istorija zarubezhnoj literatury 19 veka: zapadnoevropejskaja realističeskaja proza* [History of foreign literature of the 19th century: West European realistic prose]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 411 p.

Starosel'skaya N. D. Tema russkogo faustianstva v romane F. M. Dostoevskogo "Brat'ja Karamazovy". Dis. kand. filol. nauk [Russian faustianism in F. M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov". Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1984. 208 p.

Fridlender G. M. "Brat'ja Karamazovy". Vstupitel'naja stat'ja v primečanija (paragraf 8) ["The Brothers Karamazov". Introduction and commentary (paragraph 8)]. *Dostoevsky F. M. Polnoe sobranie sočinenij: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. 15. P. 459–473.

Chizhevsky D. I. Shiller i "Brat'ja Karamazovy" [Schiller and "The Brothers Karamazov"]. *Dos-*

toevsky. Materialy i issledovanija [Dostoevsky. Materials and Research]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. P. 27–57.

Haight G. Sh. (ed.) *The George Eliot letters*: In 19 vols. Vol. 5. New Haven and London, Yale UP, 1955. 475 p.

Frazier K. *Star-Crossed: George Eliot and Fyodor Dostoevsky*. Available at: http://www.bookslut.com/features/2011_11_018325.php (accessed 10.11.2015).

Curtis K. R. *Perception and Action: Sympathy, Charity and Ideal Communities in Eliot's Middlemarch and Dostoevsky's The Brothers Karamazov*: A Thesis Submitted to The Faculty of the School of Communication In Candidacy for the Degree of Master of Arts in English. Lynchburg: Liberty University, 2011. 102 p. Available at: <http://digital-commons.liberty.edu/masters/172/> (accessed 10.11.2015).

**MINISTERING IN THE WORLD: THE MAIN CHARACTER IN THE NOVELS
«THE BROTHERS KARMAZOV» BY F. M. DOSTOEVSKY
AND «DANIEL DERONDA» BY GEORGE ELIOT**

Irina F. Gnyusova

Associate Professor in the Department of Literary Criticism, Publishing and Editing
National Research Tomsk State University

The paper attempts to prove that in their last novels F. M. Dostoevsky and George Eliot create a specific type of character, accumulating the main ideas of their artistic activity in him. Alyosha Karamazov and Daniel Deronda – the heroes of their time with great ideas and desire for "feat" – assume the function of confessors who can hear and understand surrounding people. Not being clergymen by status, they, in fact, minister in the world, which becomes the main mission of their lives. The investigation reveals not only the typological similarity of Dostoevsky's and George Eliot's creative activity, but also common features in their conceptions of the man and world, as well as a common search for a character that would be able to convey Christian truth to people and realize the author's ideals of "sympathy" and brotherhood.

Key words: F. M. Dostoevsky; George Eliot; type; character; motive; clergyman.